К 536
Уч

№ 31 МОСКВА 10 НОЯБРЯ 1947 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXVI ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

КРОКОДИЛ

ПЕРЕСТРОЙКА НАХОДУ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

1

— С сего числа с посетителями разговаривайте вежливо. Учтите, что они не только посетители, но и избиратели!

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

ЕГО КАРЬЕРА

— Этот Шумахер верой и правдой служит нашей фирме. Начал он скромным агентом по распространению сигарет и дослужился до лидера правых социал-демократов.

С. МАРШАК

Разлука без печали

Была без радости любовь,
Разлука будет без печали...

В младших классах нас учили:
Есть страна такая — Чили.
Шлю: чилийцы за границу
Медь, селитру и пшеницу.

При царе посланник Чили
Был в России при дворе.
Но от нас чилийцы сплыли
С первым ветром в Октябре.

Дни и годы проходили.
Жил Советский наш Союз,
Никаких с властями Чили
Не поддерживая уз.

В главный город их — Сант-Яго
Путь фашистам был знаком.
Не спускал Сант-Яго флага
С кривоногим пауком.

Уж война была в эндшпиле
И грозил Берлину мат
В год, когда в Москву из Чили
Прибыл смуглый дипломат.

Дни с тех пор промчались быстро,
И в октябрьский день опять
Штат чилийского министра
Стал пожитки собирать.

Перья в Чили застрочили,
Обвинить пытаясь нас
В том, что русские учили
Бастовать рабочий класс.

Этот жест в фашистском стиле
Нам по прошлому знаком.
Долго жили мы без Чили —
И в дальнейшем проживём!

АМЕРИКАНСКИЙ КАУЧУК И ТУРЕЦКИЕ ТРОТУАРЫ

Турецкая газета «Меркум-паша» осмелилась напечатать такую ироническую заметку:

«Турецкое министерство торговли решило вызвать американскую миссию для того, чтобы установить, что причиной быстрого изнашивания завозимой из Америки каучуковой обуви является не американский каучук, а турецкие тротуары».

●

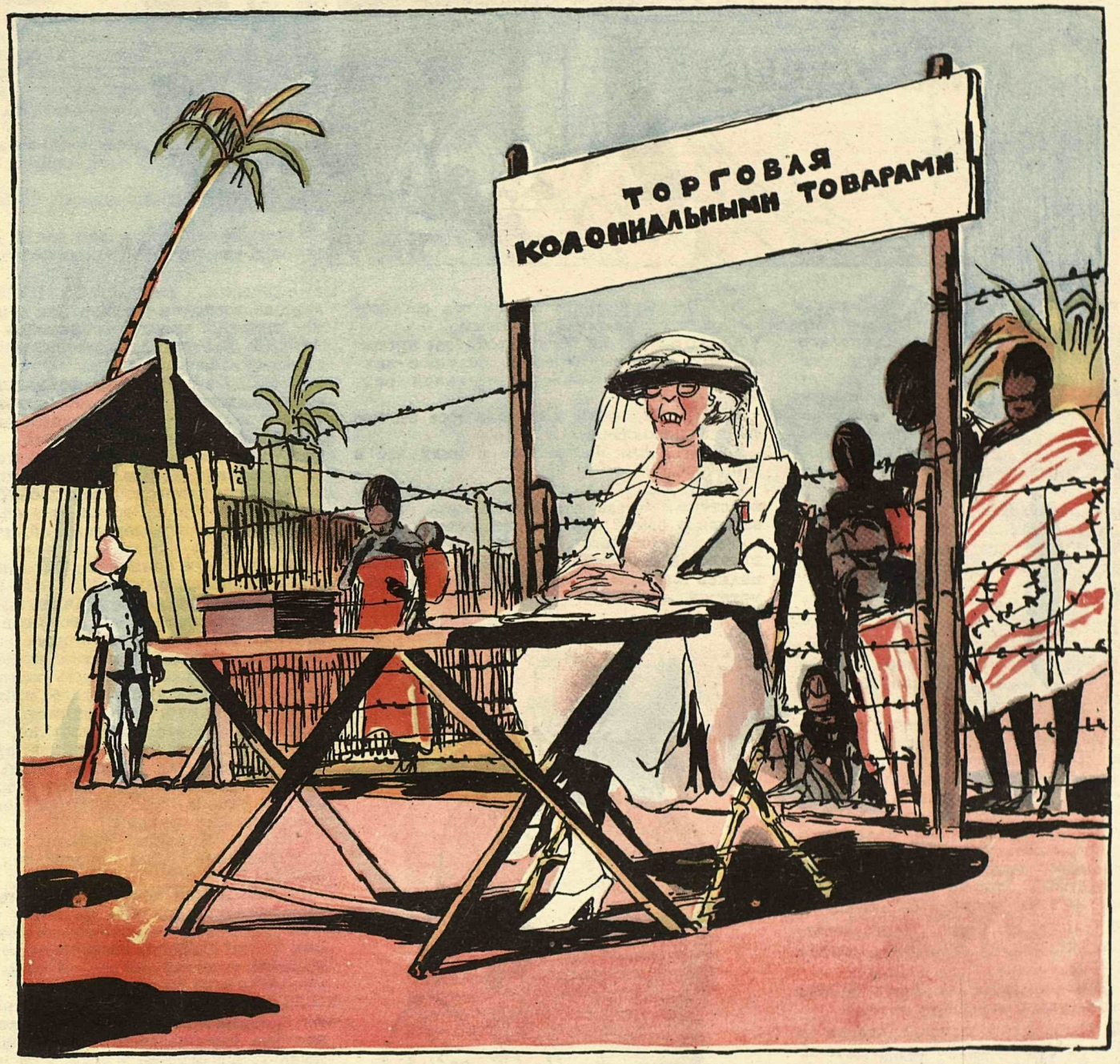
ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТУРЦИИ

Турецкая газета «Улус» сообщает о прибытии в Александретту группы из четырёх американских специалистов по дорожному строительству, возглавляемой полковником.

Сейчас Уолл-стрит может быть спокойным: турецкое правительство пойдёт по путям, намеченным американскими полковниками.

Рис. Л. БРОДАТЫ

Представители Великобритании и Америки на Генеральной ассамблее выступили против советского предложения о запрещении торговли женщинами и детьми в колониях.



Старая фирма

ИДИЛЛИЯ

Читали в прошлом мы не раз
Сентиментальнейший рассказ,
Достойный умиленья,
О том, как мистер Смит — один
Американский гражданин —
Проводит воскресенье.
Но, к сожалению, сейчас
Немного иначе рассказ
Звучит на тему эту...

Воскресный день! Семейный рай!
Румяный мистер Смит с утра
Садится за газету.
Берет газету он, а в ней
Одна статья другой мрачней,
Одна другой — страшнее,
И, их читая, мистер Смит
Теряет свой воскресный вид
И медленно бледнеет.

Блажен отец семейства, и,
Шагая во главе семьи,
В кино он важно входит.
Сегодня в фильме сто убийц
Свершают тысячу убийств
Иль что-то в этом роде.
Сто́ обмороков за сеанс,
Вся публика, впадая в транс,
Уже ломает руки,
И бедный Смит, закрыв глаза,
Шатаясь, покидает зал
При помощи супруги...

Но, пообедав, мистер Смит
Приобретает прежний вид
И развлеченья ради
Включает радио. И вот
По радио Джордан орёт —
Воинствующий дядя!

Несчастный Смит, он хмурит лоб,
Он смотрит сумрачно. И чтоб
Развлечь его немножко,
Женой заводится фокстрот,
Фокстрот из самых модных — под
Названием «Бомбёжка»!..

Лежит в постели мистер Смит,
Он весь в компрессах, он дрожит
И тяжело вздыхает.
Супруга хлопнет дверью иль
Вдали взревёт автомобиль —
Всё бедного пугает.
Страх, шевелящийся в душе,
Доводит мистера уже
До умопомраченья.
Так современный Смит — один
Американский гражданин —
Проводит воскресенье.

В. БАХНОВ

Братья ТУР и Л. ШЕЙНИН

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

Мы помещаем отрывок из пьесы братьев Тур и Л. Шейнина «Губернатор провинции». В центре пьесы полковник Советской Армии Кузьмин, являющийся комендантом округа в советской зоне оккупации. Рядом с округом Кузьмина находится американская зона, где во главе округа стоит полковник Джемс Гилл. Пьеса «Губернатор провинции» посвящена моральному превосходству советского человека.

Действие печатаемого отрывка происходит в американской зоне. В гости к полковнику Гиллу приглашён на коктейль полковник Кузьмин.

●

Сводчатый зал в средневеком замке. По углам — фигуры рыцарей в латах. На стенах панцыри, доспехи и оружие. Картины старых немецких мастеров.

У большого камина, сложенного из кирпича, расположились полковник Гилл и его гости: сенатор Вудд, пожилой американец с розовым лицом и совершенно белой головой, в золотых очках, и журналисты Кемпбелл, тучный, немолодой человек с мохнатыми бровями, Ллойд, маленький, средних лет, рыжеватый блондин, и Эчмен, немногословный брюнет. Журналисты в военных костюмах. Перед ними столик с напитками, фрукты, ящик с сигарами.

ЛЛОЙД (глядя на часы). Через десять минут ваш полковник Кузьмин должен быть здесь.

ГИЛЛ (сбивая коктейль). Да, я просил его приехать ровно в четыре.

ЛЛОЙД. Готов держать пари, что он не явится. Все эти русские замкнуты и необщительны. Я это заметил ещё до войны в Москве.

КЕМПБЕЛЛ. А может быть, им просто было неинтересно с вами беседовать, мистер Ллойд? Разве трудно допустить такое простое объяснение?..

ЭЧМЕН. Интересно, разрешит ли он нам въезд в русскую зону?

ЛЛОЙД. Они будут целый год согласовывать это с самим Молотовым.

КЕМПБЕЛЛ. Ей богу, Ллойд, вы приписываете русским чересчур большое внимание к вашей малозначительной персоне...

ЛЛОЙД. Конечно, в смысле веса вы меня превосходите...

КЕМПБЕЛЛ. Вы имеете в виду вес в обществе...

ВУДД. Джентльмены, джентльмены, спокойствие... Когда два журналиста оказываются в одной комнате, это всегда напоминает двух котов, посаженных в один мешок. (К Гиллу.) Всю дорогу они царапались в самолёте, заглушая шум четырёх моторов...

ГИЛЛ. Чертовски приятно, джентльмены, сразу видеть столько гостей, прибывших из Штатов! Что, господин сенатор, Америка ещё помнит о своих парнях, посланных за океан, чтобы навести порядок в старой Европе?

ВУДД. Помнит, мистер Гилл. И никогда не забудет их заслуг.

КЕМПБЕЛЛ. Хотя, господин полковник, мы в Штатах ожидали, что наши парни первыми войдут в Берлин...

ВУДД. Мне приходилось наблюдать на скачках, что лошадь, взявшая первый приз, потом выходит из игры, надорвавшись на финише...

ЛЛОЙД. Здорово сказано! (Взглянув на часы.) До четырёх часов осталось пять минут. Он не явится.

ГИЛЛ. Мне как солдату, проведшему кампанию бок о бок с русскими, кажется, что в отношении лошади вы заблуждаетесь, господин сенатор. Эта лошадь сейчас сильнее, чем когда бы то ни было.

ВУДД. Вы так думаете?.. Это было бы очень грустно.

КЕМПБЕЛЛ. В конце войны, господин сенатор, мне пришлось интервьюировать одного знаменитого англичанина. На мой вопрос, какой исход войны его больше устраивает, он ответил, не выпуская своей прославленной сигары изо рта: «Я бы хотел, господин Кемпбелл, чтобы Германия лежала в гробу, а Россия — на операционном столе. Но это, дорогой мой, не для печати...».

ГИЛЛ. Какое свинство!.. Так говорить об этих отважных ребятах!..

ВУДД (**внимательно глядя на Гилла**). Следует сожалеть, что военные успехи русских вызвали у некоторых американцев чрезмерные симпатии к России. Я склонен это рассматривать как одно из самых тяжёлых последствий войны.

ГИЛЛ. Я ничего не понимаю.

ВУДД. Вам это простительно, господин полковник. Даже наш покойный президент, к сожалению, не понимал этого. Да, да, Россию надо было разгромить руками немцев. А теперь нам придётся делать это собственными руками.

ЛЛОЙД. Надеюсь, сенатор, не только собственными. Нам пригодятся те же немцы.

ГИЛЛ. Какая чепуха! Ни немецкие, ни американские солдаты не хотят воевать.

ВУДД. Разве солдаты воюют потому, что они хотят? Солдаты воюют потому, что они солдаты. А хотят они этого или не хотят,— никого это не интересует.

ГИЛЛ. Простите, господин сенатор, вы не оригинальны в этом утверждении. У вас был предшественник, который утверждал то же самое...

ВУДД. Именно?

ГИЛЛ. Адольф Гитлер.

ВУДД. Ну, что же, я не претендую на оригинальность в этом вопросе.

ЭЧМЕН. Интересно всё-таки знать, пустит ли нас этот русский полковник в свою зону...

ЛЛОЙД. Представляю себе, что там творится! Наверное, уже организовали избы-читальни и комитеты бедноты. Ездят на тройках и всех немцев записали в комсомол.

КЕМПБЕЛЛ. Мистер Ллойд, ваш дядя не отличался чрезвычайным умом и глубоким анализом.

ЛЛОЙД. Какой дядя? У меня нет никакого дяди...

КЕМПБЕЛЛ. Я предпочёл назвать дядю, чтобы не упоминать о племяннике...

ВУДД (смеясь). Джентльмены, джентльмены, война уже окончена, и человечество жаждет мира...

ЛЛОЙД (глядя на часы). Всё. Ставлю сто долларов против десяти — он не явится..

ПЕРЕБЕЙНОГА (входя). Прибыл полковник Кузьмин.

ГИЛЛ (искренно хлопая в ладоши). Браво! (Входит полковник Кузьмин. На нём парадная форма с золотым шитьём, ордена, среди которых американский крест.) Очень рад, что вы приехали, Никита Иванович. Джентльмены, знакомьтесь. (Все встают.) Это мои гости: сенатор Вудд, мистер Кемпбелл, мистер Ллойд и мистер Эчмен — журналисты. Они все говорят по-немецки.

КУЗЬМИН. Полковник Кузьмин. (Здоровается).

ГИЛЛ. Я чертовски рад, что вы приехали, Никита Иванович. Прошу вас, садитесь здесь.

КУЗЬМИН. Благодарю. Простите за опоздание.

ГИЛЛ (сбивая коктейль). Прошу вас — мой любимый коктейль «Мотокар». Впрочем, нет, в честь нашего гостя, джентльмены, я приберёг нечто другое. (Вынимает из шкапчика бутылку.) Русская водка. Называется «Зверобой».

ВУДД. Мой друг, мистер Буллит, наш бывший посол в России, говорил мне, что русская водка ни с чем не сравнима.

КУЗЬМИН. Приятно, что он хвалил хотя бы русскую водку.

ВУДД. А вы считаете, мистер Кузьмин, всё, что имеет отношение к России, надо обязательно хвалить?.

КУЗЬМИН. Почему же всё? Вот, например, господин Буллит был посол в России, но вряд ли он заслуживает особого одобрения

КЕМПБЕЛЛ (тихо). Ей богу, он, кажется, с юмором.

ГИЛЛ. Ваше здоровье, Никита Иванович. (Пьют.)

ВУДД (выпив водки, побагровев). Пламя, жидкое пламя...

КЕМПБЕЛЛ (отставляя рюмку, кашляя). У меня такое ощущение, будто мне выстрелили в желудок...

ЛЛОЙД (к Кузьмину). Не понимаю.. Почему вы не возьмёте патент на эту водку как на великое национальное изобретение? От неё так быстро пьянеют... теряют голову...

КУЗЬМИН (внимательно посмотрев на него). Это зависит от головы...

КЕМПБЕЛЛ. Мистер Ллойд, я забыл передать, что вам кланялся ваш дядя...

ВУДД. Скажите, мистер Кузьмин, как в вашей зоне идут дела? У нас об этом много разговоров...

КУЗЬМИН. Дела в нашей зоне понемногу идут. А насчёт разговоров — это ваша зона ..

ГИЛЛ. Счёт один ноль в пользу русской команды...

ВУДД. Вы, вероятно, опираетесь на коммунистов?

КУЗЬМИН. Мы опираемся на все демократические слои населения, господин сенатор В том числе и на коммунистов

ЛЛОЙД. Говорят, вы раздаёте землю крестьянам? Это, вероятно, в агитационных целях?.

КЕМПБЕЛЛ. Господину Ллойду очень хочется так записать у себя в блокноте... Чем объяснить, мистер Кузьмин, что вы ввели продовольственные нормы выше, чем в нашей зоне?

ЛЛОЙД. Повидимому, Россия богаче продуктами, чем Америка...

КУЗЬМИН. Напротив. Напряжение войны вызвало у нас серьёзные затруднения в этом смысле. Но при земельной реформе мы подсчитали, что немцы будут обеспечены за свой собственный счёт. Поэтому мы им роздали землю. Вряд ли вы запишете это в свой блокнот, мистер...

ЛЛОЙД. Ллойд.

КУЗЬМИН. Ллойд. Но не только поэтому. Мы не хотим усиления помещиков-юнкеров. Знаете, когда в закромах много излишков и их некуда девать, это наводит некоторые головы на мысль о войне, господин сенатор...

ГИЛЛ (Кемпбеллу). Два ноль в пользу Москвы...

ВУДД. Вы часто заявляете, что хотите единой Германии... Ведь немцы — ваши враги. Зачем же вам их объединять?

КУЗЬМИН. Мы воевали не с немецким народом, а с фашизмом. И если бы какой-нибудь негодяй, господин сенатор, снова захотел навязать нам войну, то мы бы никогда не считали, что этого хочет его народ.

ГИЛЛ (тихо). Американской команде так и не удаётся размочить свой сухой счёт.

КУЗЬМИН. Впрочем, я был приглашён на коктейль, а попал, кажется, на пресс-конференцию...

ГИЛЛ. Правильно! Давайте лучше выпьем. Увлекшись политикой, мы забыли о самом главном — о коктейле.

ЛЛОЙД. Да, да, лучшая политика — это та, которая за коктейлем.

ГИЛЛ. А по-моему, это та, которая на поле сражения.

КУЗЬМИН. Верно, сосед. Те, которые вместе дрались, не поссорятся и за коктейлем.

ЛЛОЙД. Я полагаю, мистер Кузьмин, что после нашего прямого разговора вы вряд ли разрешите нам посетить ваш округ. Но предупреждаю: мы обратимся к высшему командованию. Прошу вас. (Протягивает бокал.)

КУЗЬМИН. Благодарю. Зачем же беспокоить командование, господа? Милости прошу, хоть завтра. Наши ворота открыты для объективных наблюдателей, каким, несомненно, являетесь вы, мистер...

ЛЛОЙД. Ллойд. Неужели так трудно запомнить мою фамилию?

КУЗЬМИН. К сожалению, у меня неважная память: я запоминаю только значительные вещи.

КЕМПБЕЛЛ. Ллойд, привет от дяди.

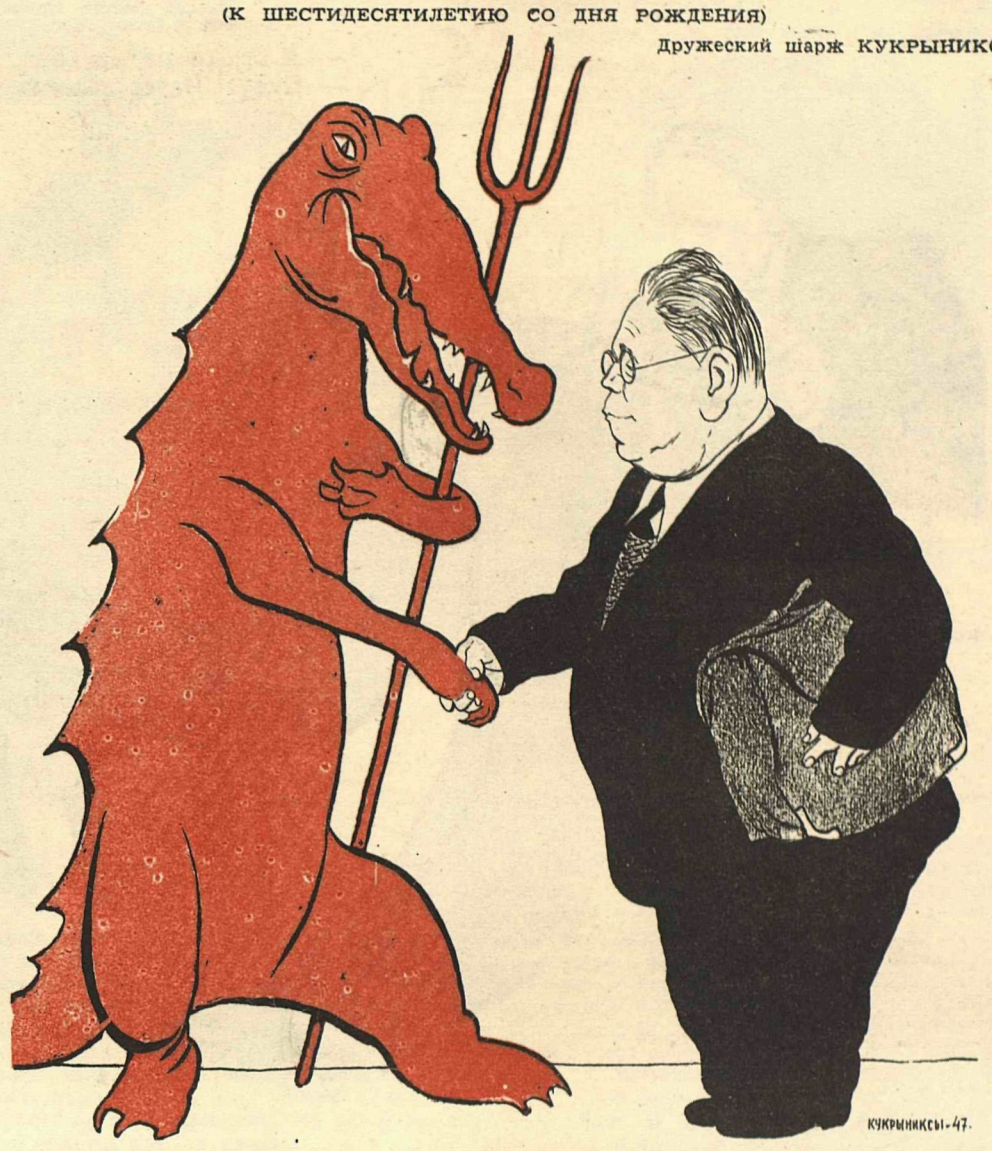
ГИЛЛ. Первый тайм закончился, джентльмены. Не угодно ли погулять по саду?

КЕМПБЕЛЛ. Да, моему коллеге Ллойду вечерняя прохлада сейчас будет особенно приятна .. (Все уходят.)

С. Я. МАРШАК

(К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ.



— Я не привык к речам елейным, —
Нужнее вилы мне пока, —
Но нынче в стиле юбилейном
Хочу поздравить Маршака.
Ему все возрасты подшефны!
Работает он в жанрах всех.
Ему сродни и пафос гневный,
И лиры голос задушевный,
И боевой, разящий смех.
В лихие дни военной бури
Была в строю его строка,
И злился не на шутку фюрер
Под градом «шуток» Маршака.
У Маршака размах большой:
Он пишет сказки, басни, драмы,
Стихи, поэмы, эпиграммы...
И я скажу сегодня прямо,
Что пишет очень хорошо!
Энергии кипучей полон,
Он сделать многое успел,
Блестяще Бернса перевёл он
И Бирнса здорово поддел!
Его ударов мощь и силу
Ещё не раз узнает враг...

Живи, на радость Крокодилу,
На славу Родине, Маршак!

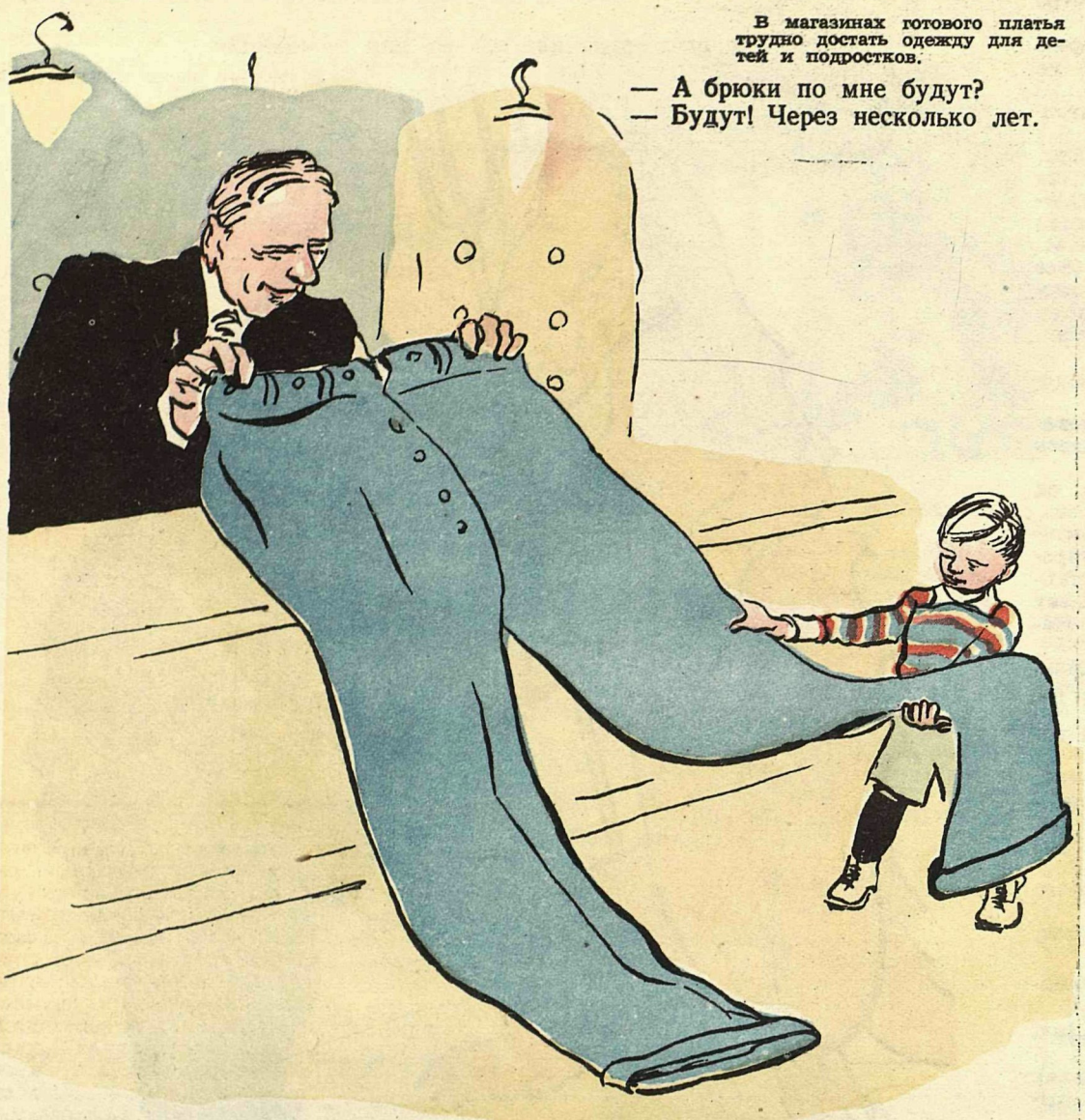
КРОКОДИЛ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

НА ВЫРОСТ

В магазинах готового платья трудно достать одежду для детей и подростков.

— А брюки по мне будут?
— Будут! Через несколько лет.



ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

ПРЕДПОЛОЖИМ: гоголевский Иван Никифорович обозвал гусаком не Ивана Ивановича, а самого себя.

Посмотрел на себя в зеркало Иван Никифорович и с досадою произнёс по собственному адресу:

— А вы, Иван Никифорович, настоящий гусак.

И тут же Иван Никифорович весь вспыхнул, крепко обидевшись на самого себя.

— Что вы такое сказали, Иван Никифорович? — спросил он самого себя, возвысив голос.

— Я сказал, что вы похожи на гусака, Иван Никифорович!

— Как же вы смели, сударь, позабыв и приличие и уважение к чину и фамилии человека, обесчестить таким поносным именем? — наступал Иван Никифорович на своё отражение в зеркале.

И сразу сам себе отвечал:

— Что же тут поносного? Да чего вы в самом деле так размахались руками, Иван Никифорович!

— Я повторяю: как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?

— Начхать я вам на голову, Иван Никифорович! Что вы так раскудахтались?..

В жизни, скажете, так не бывает.

Недаром Николай Васильевич Гоголь написал эту сцену совсем по-иному. У него крупный и неприятный разговор происходит между Иваном Никифоровичем и Иваном Ивановичем.

А всё-таки нам хочется привести здесь один действительный случай, когда вопреки Гоголю некий новоявленный Довгочхун обозвал самого себя гусаком.

Причём сей Довгочхун, забавляясь литературной критикой, умудрился (употребляем изысканное выражение самого Ивана Никифоровича) начхать себе на голову.

Недавно автор этих строк, перелистывая комплект «Вечерней Москвы» за февраль 1947 года, наткнулся на статью Сергея Иванова, в которой тот очень резко отзывается о повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда».

Мимоходом Сергей Иванов объявляет строгий выговор с предупреждением редакции журнала «Знамя»:

«Редакция поторопилась опубликовать новое произведение, забыв, очевидно, что помощь начинающим авторам должна оказываться путём товарищеской критики, а не путём публикации незрелых произведений».

Желая показать пример товарищеской критики, С. Иванов продолжает:

«В результате этой поспешности и автору оказана плохая услуга и критики в недоумении: бесспорно, у автора были все данные для того, чтобы создать художественное, полноценное произведение о битве за Сталинград, почему же его роман оставляет чувство неудовлетворённым?»

— Таково моё мнение, и я его вполне разделяю! — хвастает герой одной старинной комедии.

Но иначе поставил вопрос Сергей Иванов, этот строгий и категорический литературный судия:

— Таково моё мнение, но я его не вполне разделяю!

В этом мы убедились в тот же день, когда после чтения его статьи в «Вечерней Москве» читали его же статью в «Известиях».

В «Вечерней Москве»:

«Редакция «Знамени» поторопилась...»

А в «Известиях»:

«Большой заслугой редакции...»

Какой редакции? Да той же самой — редакции «Знамени».

Итак, по мнению С. Иванова, большой заслугой редакции «Знамени» является:

«Смелое предоставление страниц журнала молодым писателям, выступающим с первыми своими произведениями, выдвижение новых дарований».

О каких новых дарованиях идёт речь? О каких новых талантливых произведениях вещает критик?

С. Иванов говорит всего о трёх писателях. Один из этих трёх — Виктор Некрасов!

Сергей Иванов из «Известий» сердито смотрит на Сергея Иванова из «Вечерней»:

— А вы, Сергей Иванов, — настоящий гусак, если смогли так опростоволоситься и обругать книгу Некрасова.

И Сергей Иванов из «Известий», метнув гневный взор в сторону Сергея Иванова из «Вечерней», написал:

«Редакция «Знамени» вправе гордиться результатами своей работы с новыми писателями».

Оказывается, Виктором Некрасовым вправе гордиться редакция «Знамени». Вполне согласны.

А вот Сергеем Ивановым какая редакция должна гордиться: «Вечерняя Москва» или «Известия»?

Г. РЫКЛИН

●

ТРИ СЛУЧАЯ

СЛУЧАЙ С ЛИРИКОМ

Нас утопил он в одах сонных,
И сам утоп в одной из оных.
Мораль ясна: не зная броду,
Уж лучше ты не суйся в оду..

СЛУЧАЙ С ДРАМАТУРГОМ

Единство времени, и действия, и места
В своей комедии нашёл в один присест он.
Но несмотря на весь свой опыт и уменье,
Он в Комитете не нашёл единства мненья...

СЛУЧАЙ С МУЗЫКАЛЬНЫМ КРИТИКОМ

Имел он пост критический.
И что же!
Писал, что песни все, как сёстры, схожи.
И на старуху может быть проруха:
Имел он пост, но не имел он слуха...

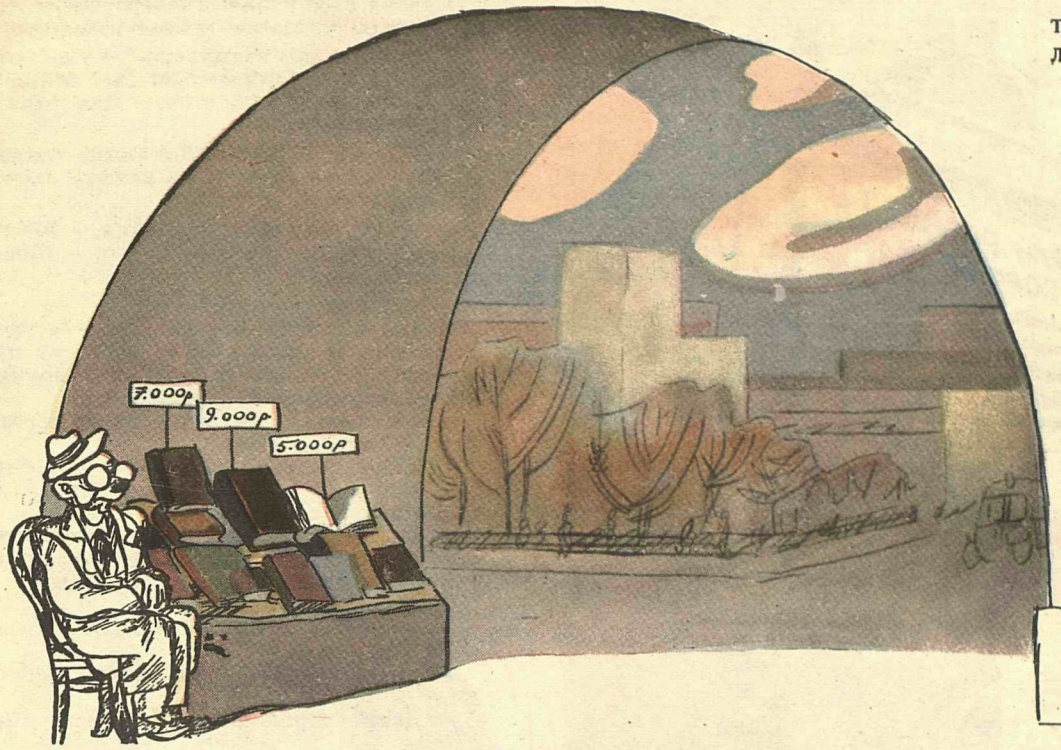
Н. ЛАБКОВСКИЙ

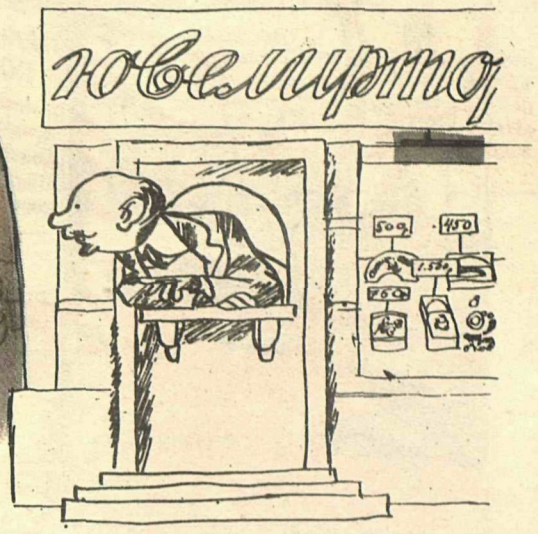
Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

НА ВЕС ЗОЛОТА

В букинистических магазинах цены на книги очень высоки.

БУКИНИСТ (ювелиру): — Будь мой товар таким же дешёвым, как ваш, у меня не было бы отбоя от покупателей!





ПОДЛИННАЯ ФАНТАСТИКА

Эту необычайную историю поведал нам и отчасти даже подтвердил документально наш старый знакомый тов. Н. — серьёзный и довольно видный работник прокурорского надзора.

...В один из долгих осенних вечеров он допоздна засиделся в своём служебном кабинете, разбирая какое-то сложное дело.

Внезапно прокурор услышал странный шелест возле своего стола. Он поднял голову и увидел, что в его кабинете — за пределами светового круга настольной лампы — толпится множество призрачных фигур в старомодных плащах и длинных сюртуках старинного покроя. Он узнал их тотчас же. Это были великие классики русской литературы. Они молча, пристально смотрели на остолбеневшего прокурора, и во взглядах их выражалось настойчивое, повелительное ожидание.

— Пожалуйте, дорогие товарищи, — с глубоким почтением сказал прокурор. — Чем могу служить?

Среди классиков произошло лёгкое движение, и чей-то голос тихо и внятно произнёс:

— Скажите вы, Николай Васильевич.

— Да нет уж, — язвительно возразил Гоголь. — Где уж мне! У меня и с мыслительным началом неблагополучно, и болтун я, как уверяет господин Пруцков. Пусть уж лучше Александр Сергеевич говорит.

— Не могу говорить, — быстро ответил Пушкин. — Тут юмор надобен, а у меня, по свидетельству господина Пруцкова, юмор «не запечатлён». Предоставим слово Тургеневу или Некрасову, Герцену или Островскому. Это ведь у них господин Пруцков обнаружил гиперболизм и комический гротеск в соединении с анекдотичностью.

Классики заспорили друг с другом, ежесекундно поминая при этом с превеликим негодованием одну и ту же фамилию: Пруцков.

— Я извиняюсь, — осторожно сказал прокурор. — Разрешите вас перебить, дорогие гости. Это кто ж такой, этот самый Пруцков? И в чём заключается состав его преступления, которое столь глубоко взволновало вас?

По комнате пронёсся тяжёлый общий вздох, и Николай Васильевич Гоголь, вынув из-под плаща какую-то книгу в серой обложке, положил её на стол перед прокурором

— Читай, читай, — произнёс он суровым голосом сотника из повести «Вий».

— Я протёр глаза и увидел, что в кабинете никого нет, — заключил прокурор свой необыкновенный рассказ. — А передо мной на столе лежала эта самая книжка...

И вот мы вместе с ним перелистываем страницы «научного» опуса, где что ни абзац, то сногсшибательное откровение, от которого у читателя волосы встают дыбом.

Так, например, оказывается, что «эскизность пушкинского изображения после (!) произведений Лермонтова и Гоголя, их (!) последователей, представляется лишённой жизненной плоти». В прозе Пушкина — изволите ли видеть — «нет психологического анализа», а «рельефность контуров при сдержанности изображения внутреннего мира делает повести Пушкина обнажёнными».

Мы узнаём далее, что «юмор Пушкина не везде запечатлён социальностью» и что его же «эстетический юмор» «не запечатлён поэтически выраженной детальной зарисовкой мелочей простого общественного быта».

— Это еще что! — сказал наш знакомый прокурор. — Вы почитайте, что тут про Гоголя написано!

И впрямь, автор книги расправлялся с Гоголем по-свойски. Он сердито заявлял, что «отсутствие сильного «мыслительного начала» в его (Гоголя) произведениях сужает его жизненный кругозор, ограничивает действие его творческой силы и определяет неполноту его сатиры». Затем он начинал бить Гоголя Достоевским:

«Достоевский редко обращается к обычной для Гоголя словесной игре, создающей впечатление несерьёзной болтовни (!) и пренебрежительного отношения к изображаемому», «Достоевский отходит от гоголевского разнообразия в стиле. У него нет постоянных переходов от комическо-каламбурного сказа и небрежного (!) воспроизведения событий к патетически-декламационной речи...»

Резво помахивая пером, автор книги гулял по всей русской литературе и на доброй половине классиков развешивал ярлыки комиков и юмористов. В «Обломове» Гончарова он усматривал «скрытый комизм», который «невольно растекается по всему произведению». Он заявлял с важным видом, что этот самый комизм «остаётся основой творчества Гончарова, неизменным его художественным принципом, позволяющим вдохнуть не только поэзию в произведение, но и уловить скрывающийся общий смысл в мелочах действительности, будь то повторяющиеся, но всякий раз внешне и внутренне своеобразные прыжки Захара с лежанки (!!!) или затруднительные думы и неприятные разговоры барина...»

Каемся: мы не уловили «скрывающийся общий смысл своеобразных прыжков Захара». Но смысл литературных прыжков и ужимок автора этой удивительной книги нам достаточно ясен. В книге — эдак мимоходом, в авторских примечаниях — было сказано буквально следующее:

«Значительное влияние оказала Занд на идейно-художественное развитие русской литературы 40—50-х годов. Об этом свидетельствует творчество Герцена, Тургенева, Салтыкова, Некрасова, Панаева, Писемского, Григоровича и Гончарова. Мысли французской писательницы неоднократно развивал и Белинский в своих литературно-критических статьях».

Итак, оказывается, что чуть ли не вся русская классическая литература 40—50-х годов пошла от Жорж Занд... Поистине, классический пример глупости и низкопоклонства!

Мы захлопнули этот сборник необычайных историко-литературных «откровений» и ещё раз — с тяжёлым недоумением — взглянули на его титульный лист. На нём значилось:

«Пруцков Н. И. Кандидат филологических наук — Проблема художественного метода передовой русской литературы 40—50-х годов XIX столетия».

Редактор книги — доктор филологических наук А. Г. Цейтлин.

— А теперь разрешите задать вам такой вопрос, — тонко улыбаясь, сказал наш знакомый: — Верите ли вы, что потревоженные тени классиков могли явиться в кабинет советского прокурора и требовать наказания их обидчика в судебном порядке? Не представляется ли это вам чересчур уж фантастическим явлением?

— Нет, нам представляется гораздо более фантастическим явлением другое, — сказали мы, подумав, — то, что Грозненское областное издательство какой-нибудь месяц назад могло выпустить в свет подобную книгу. Вот это действительно фантастика и притом весьма неприятного свойства!

Е. ЛУБИН, М. ЛЬВОВ.

Рис. Е. ЕВГАНА

ПЛАН РАБОТЫ ЗАБОЛОТИНСКОГО ГОРСОВЕТА И...

... ЕГО ОТРАЖЕНИЕ.

В. КАРБОВСКАЯ

УСТАРЕВШАЯ КОНСТРУКЦИЯ

СТУДЕНТ Энергетического института Миша Седых второй год живёт в Москве, на квартире у своего дяди. В первый год он писал матери в Иркутск:

«Милая мама! Устроился я ничего себе. Дядька в общем очень симпатичный, однако со странностями. Любит петь, но из всех песен знает только одну, да и то начало: «Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить, чтоб на свете сиротиночке беспечально век прожить...» А мне эта песня совершенно не подходит. Пробую его перевоспитывать».

Мать из Иркутска отвечала Мише:

«Родной мой! Самое главное — учись хорошо. А дядю не перевоспитывай. Он славный, только он человек немножко устаревшей конструкции».

Дядя полюбил своего племянника, заботится о нём и ежедневно даёт ему мудрые житейские советы: как нужно быть на виду у преподавателей, с кем надо дружить и с кем не надо.

Миша перешёл на второй курс с отличными отметками. Дядя был очень доволен. Однажды он сказал Мише:

— Вот что, братец ты мой! Ученье ученьем, но, по-моему, всё-таки ты должен бы выразить благодарность.

— Кому? Вам, дядя?

— Эх ты, чалдон желторотый! Не мне, конечно, а тем, благодаря кому ты на второй курс перешёл.

— Интересно! Значит, я должен благодарить самого себя?

— Э-эх, молодо — зелено! А ты слушай, когда тебя старшие учат. Кто твоё прямое начальство? Декан? Вот декана и надо отблагодарить.

— Не понимаю.

— Я и вижу, что ты не понимаешь. У нас в почтовом отделении, где я работаю, есть такая Марья Ивановна. У неё дочка в театральном техникуме учится. Так эта Марья Ивановна, не будь дура, два раза в год приглашает на обед дочкиных преподавателей.

— Что же, после этих обедов её дочка талантливее, что ли, становится?

— Э, желторотый! Что такое обед, по-твоему? Это — мероприятие, которое...

— Дядя, вы мне чепухой голову не забивайте! Я человек новой конструкции, я этих ваших штучек не понимаю.

— Правильно. А декан — человек старой конструкции: он поймёт и оценит. Короче говоря, я решил: приглашай своего декана на обед!

На другое утро, как только Миша проснулся, дядя молча взял его за руку и повёл в кухню. Там, на кухонном столе, раскинулся великолепный натюрморт: боль ой серебристый судак, темно-зелёный полосатый арбуз, помидоры, две бутылки.

— Вот! — внушительно сказал дядя. — Попробуй теперь не пригласи, после того как я бог знает как истратился!

Ни слова не говоря, Миша надел шапку, пальто и пошёл в институт. По дороге он думал:

«Очевидно, придётся от дядьки переезжать в общежитие. Я позориться ради него не намерен».

Отдавая своё пальто гардеробщику Ивану Данилычу, Миша тяжело вздохнул.

— Что, милый, вздыхаешь? — участливо спросил Иван Данилыч; он был большим приятелем всех студентов. — Или плохую отметку схватил?

— Нет, так просто, Данилыч, — сказал Миша. — А вы сегодня по какому случаю такой весёлый?

— Нынче мой день рождения, — доверительно сообщил Иван Данилыч. — Шестьдесят лет стукнуло.

— Ну? Поздравляю вас.

Миша поглядел на представительного Данилыча, и внезапно ему в голову пришла мысль: «А что если малость поучить и полечить дорогого дядю?»

— Данилыч, а что, у вас вечер сегодня занят? Гостей ждёте?

— Нет Сынок меня уже утром поздравил, а больше никого не жду. Один буду куковать.

— Не надо куковать, Данилыч! Знаете что, приходите к нам обедать! Дядя вам будет рад. Честное слово, приходите!

Данилыч растрогался.

— А что ты думаешь? Приду! Вот спасибо-то!

Миша повеселел и помчался звонить дяде:

— Дядя? Пригласил. Согласен! Приедет!

В трубке послышался торжествующий дядин смех.

Вечером Миша зашёл за Данилычем. На старике был чёрный костюм и черный атласный галстук в белую полосу, седая бородка была тщательно подстрижена, и Миша подумал, что в таком виде Данилыч чуть ли не представительнее самого декана Его только мучил один вопрос: посвятить его в тайну или не надо?

«Нет, не надо, — решил он, — старик может разобидеться, будь что будет!»

Дядя, чинный и взволнованный, встретил их в прихожей и сказал:

— Душевно рад приветствовать в вашем лице, так сказать...

— Совершенно солидарен, — с достоинством ответил Данилыч.

Стол был накрыт красиво и аппетитно.

— Прошу не побрезговать, — сказал дядя, — чем богаты, тем и рады.

Данилыч потёр руки совсем так, как это делали некоторые преподаватели, и приятно улыбнулся:

— Покушаем, покушаем вашей флоры и фауны.

«Вот что значит высшее образование, — подумал дядя, — хочет — не хочет, а научные слова так сами и высыпают».

Дядя, разливая вино по стаканам, завёл дипломатический разговор:

— Молодёжь-то наша! Ведь как учатся, как стараются, а?

Данилыч поддержал:

— Учатся они, действительно, исключительно пропорционально эпохе.

Налили по второму стакану, затем по третьему.

— Я предлагаю выпить, — растроганно сказал дядя, — за тех, кто светом науки озаряет юные головы!

И тут внезапно гость начал говорить удивительные вещи. Дядя даже подумал:

«Очевидно, я выпил лишнее или я чего-нибудь недопонимаю...»

Иван Данилыч сказал:

— Важно, конечно, и то, что в голову, но так же и то, что на голову. Лично я пятнадцать лет борюсь за то, чтобы не пропал ни один головной убор. И могу сказать, затраченная мной энергия даёт свои конкретные результаты!

Миша положил локти на стол, закрыл лицо руками и подумал:

«Всё равно мне в этом доме больше не бывать. Раз Данилыч завёл разговор на гардеробные темы, он выдаст меня с головой...»

А Данилыч продолжал:

— Молодёжь у нас в полном смысле диаметрально превосходная. Возьмите, например, моего сына. Крупный работник, возглавляет семнадцатое почтовое отделение...

— По... позвольте,—пробормотал дядя.— Я... я сам работаю в семнадцатом отделении и имею честь лично знать нашего начальника, Андрея Ивановича. Но... но поскольку мне известно, их папаша — не декан.

— Именно, — согласился Данилыч,— никакой не декан, а гардеробщик при научном учреждении. Вот как раз я самый и есть. Меня деканат уважает, педагоги со мной беседуют, студенты любят. Пока могу, не расстанусь с научным миром! Не брошу его на произвол судьбы! Люблю!

— Та-ак! — сказал дядя.

Миша зажмурился и не видел дядиного лица, но ему показалось, что в голосе его звучит скорее что-то радостное.

— Так! — весело повторил дядя. — Стало быть, вы, Иван Данилыч, являетесь личным папой моего прямого, главного начальника? Не знал. Но рад! Душевно, искренно рад!

— Совершенно с вами солидарен, — с достоинством подтвердил Данилыч.

Бережно проводив Ивана Данилыча, дядя вернулся в комнату и остановился перед племянником.

— Ну что, чалдон, бог правду видит?

— Ладно, — сказал Миша, — мне сейчас переезжать в общежитие или завтра утром?

— Как знаешь,— сказал дядя. — Ты себе пользы не хочешь и не надо, твоё дело, зато фортуна оказалась на моей стороне и на том спасибо.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ДОРОГОЙ КОТ

Выписка из акта документальной ревизии Лисканского орса Юго-Восточной железной дороги от 30 сентября 1947 года, подписанного начальником орса Нехаенко и главным бухгалтером Кудиновым:

«Списывается по отчётам зав. базой Жерлыкина актами, утверждёнными начальником орса на питание кота при базе колбаса в количестве 26,1 кгр. на сумму 1.224.20 из расчёта дневной нормы 100 грамм».

Примечание ревизора:

«К факту разбазаривания государственных средств и фондовых товаров относится расход колбасы в количестве 26,1 кгр. на питание кота при базе, так как в практике работы орса кормление котов без распоряжения орса не предусматривалось».

Шишкин «Рожь».

Дополнения, внесённые в шишкинский пейзаж, сделаны без разрешения автора, но с согласия всего колхозного крестьянства.

СТАРЫЕ КАРТИНЫ НА НОВЫЙ ЛАД

Маковский «На побывку к сыну».

Новое в картину внёс, собственно говоря, не наш художник, а Октябрь.

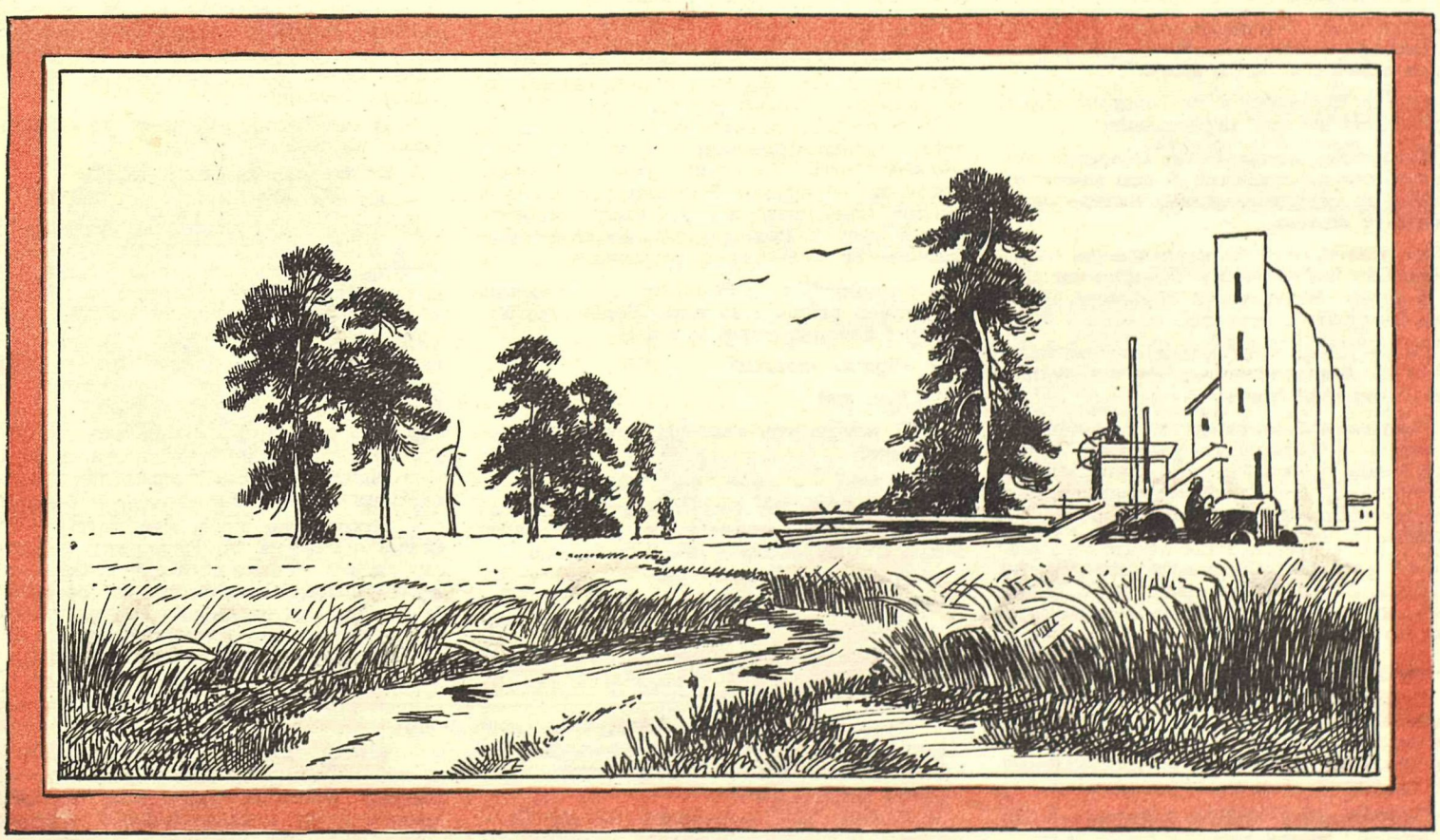
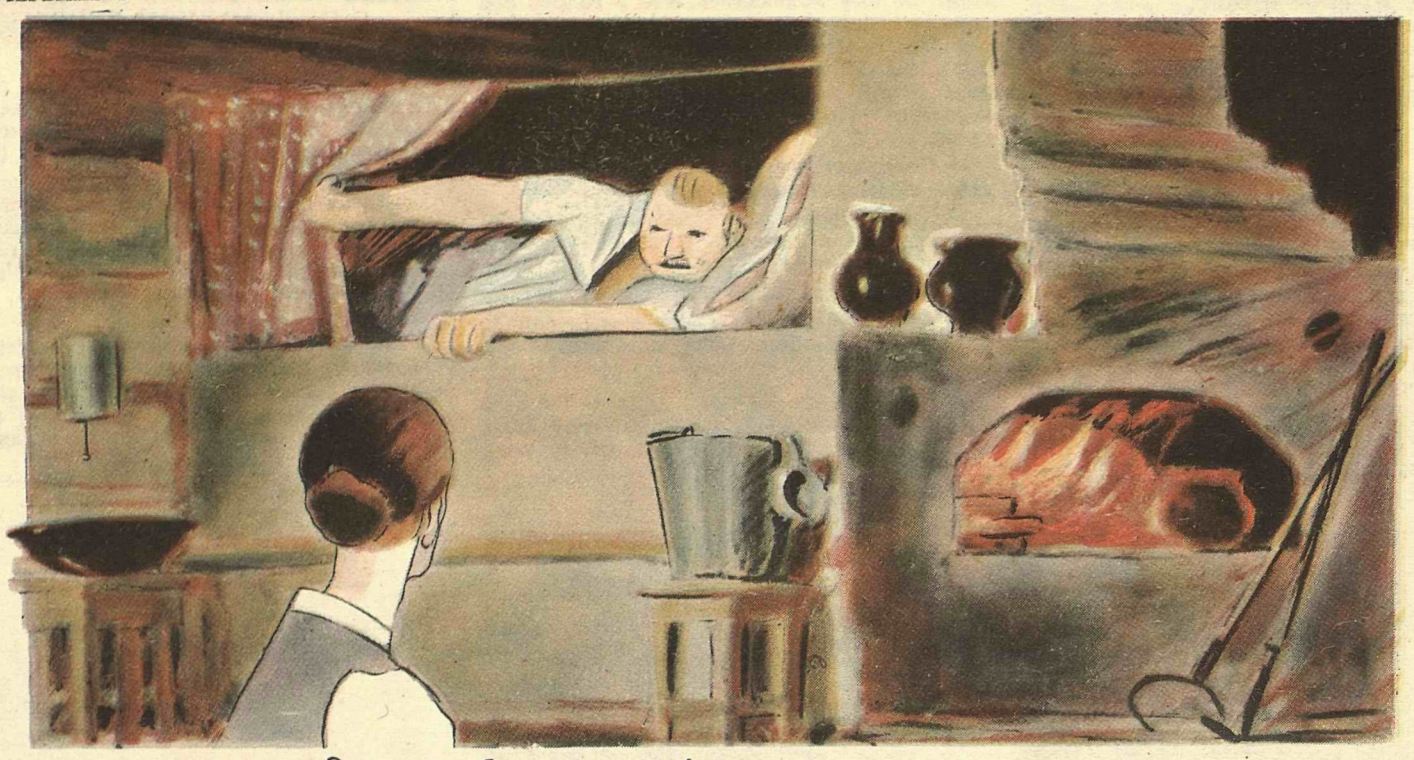


Рис. Б. ПРОРОКОВА

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ



— Эх, скорее бы воскресенье!
— А тебе-то что? Ты ведь и в будни ничего не делаешь.
— Да, но по воскресеньям хоть совесть не мучает.

Анатолий ГЛЕБОВ

ХАМЕЛЕОН

ЧЕРЕЗ Театральную площадь идёт периферийный худрук Очумелов в новом пальто с подбитыми ватой плечами и со свёрточком в руке. За ним шагает завлит с портфелем, доверху наполненным пьесами.

— Чем хотите могу поручиться, что на эту пьесу зритель не пойдёт! — слышит вдруг Очумелов.

Обернувшись, Очумелов видит трёх незнакомых актёров, с аппетитом уничтожающих эскимо у входа в метро.

Очумелов подходит к разговаривающим и, приподняв шляпу, спрашивает:

— Извините, пожалуйста. О какой это вы пьесе сейчас сказали? Я сам имею отношение к театру и живо интересуюсь мнением о пьесах.

К его ужасу, один из незнакомцев называет ему ту самую пьесу, которую он держит в руке, свёрнутую в трубочку, и которую уже решил ставить.

— Гм...— говорит Очумелов строго, кашляя.— Гм... А вам известно, что она разрешена Главреперткомом?

— Разрешение означает, что в пьесе всё правильно в смысле содержания и что это не явная графомания, не какая-нибудь пошлятина. Но это вовсе не значит, что я или вы обязаны её ставить, а зритель — смотреть.

— Гм...— говорит Очумелов ещё раз, но уже крайне недоброжелательно и, обращаясь к завлиту, добавляет: — Идёмте, Елдырин.

А отойдя несколько шагов, говорит ему:

— Будь моя воля, показал бы я таким субъектам, которые не желают считаться с оценками авторитетных инстанций!

На эскалаторе Очумелова неожиданно берёт за локоть знакомый композитор.

— Здравствуйте, Фёдор Фёдорович! Ну как, нашли интересные пьесы? Читали сегодня «Труд»? Как там эту пьесу, о которой мы с вами прошлый раз спорили, разбабахали! Что-то невероятное!

— В «Труде»?! — с ужасом переспрашивает Очумелов. — Гм... Подержите-ка, голубчик, Елдырин, свёрточек. Платок достану. Ужас как жарко у вас в Москве! Должно быть, перед дождём. М-да... Я вот тоже своему завлиту говорю... Вы не знакомы? Елдырин. И что, собственно, вам в этой пьесе так уж особенно нравится? Ну, есть достоинства, конечно. Линия есть. Не спорю. Но ведь одной линией не проживёшь. Краски нужны, образы. У нас хоть и не Художественный театр, а всё ж таки художественный. М-да... У вас, должно быть, Елдырин, голова болела, когда вы её читали. Вот вам и пришла в голову идея, чтоб этакую пьесу ставить. Нет, я против. Решительно против. Вычёркивайте её из плана, и никаких.

Вернувшись в свой номер в гостинице, Очумелов слышит звонок. Берёт трубку. Звонит авторитетный критик.

— «Труд» читали?

— Как же!

— А вот завтра «Литературную газету» прочтёте!

— А что?

— Такой грохот будет! Бьют по рецензии «Труда» из тяжёлых орудий! То есть в пух и прах! Мокрое место останется.

— Позвольте... — холодеет Очумелов. — Это как же? В защиту пьесы, выходит?!

— Ну ясно!

Положив трубку, Очумелов чувствует, что у него начинает пошаливать сердце. В номер входит Елдырин.

— Телеграмма, Фёдор Фёдорович, — говорит он,— от директора Интересуется, на чём мы остановились. Надо что-то запускать в работу. Простойчик.

— Видите ли... — потирает лысину Очумелов. — Я тут поразмыслил, проанализировал как следует... Всё-таки, вы знаете, это талантливая вещь. М-да. Есть, конечно, и недостатки. Да что я вас в этом убеждаю? Вы это так же хорошо, как и я, понимаете.

— Так что же: возвращаемся к ней? — недоумевающе спрашивает завлит.

— Возвращаемся! — решительно объявляет худрук. — Телеграфируйте Семёну Семёновичу.

Прочтя на другой день резкую полемическую статью в защиту пьесы, он чувствует себя уверенным, непоколебимым, а главное, прозорливым. И, посасывая трубку, начинает вдохновенно набрасывать тезисы режиссёрской экспликации. Вдруг опять раздаётся звонок, и тот же критик сообщает:

— А вы знаете? «Труд»-то не унимается. Стоит на своём.

У Очумелова холодеет сердце.

— Да что вы?!

Долго он сидит в тяжёлом раздумье. Вот те и на! Если такая солидная газета, как «Труд», не унимается, стало быть, что-то такое тут есть. Гм... Видимо, мазу далй в «Литературной». Как же быть?

На следующий день, прочтя новую статью в «Труде» против пьесы, худрук посылает директору телеграмму: «Не берём».

А ещё через день, узнав, что и «Литературная газета» не унимается, а продолжает защищать пьесу, приходит уже в совершенное отчаяние.

— Просто не знаю, как быть! — откровенно сознаётся он Елдырину. — Небывалая оказия... Такие противоположные оценки двух таких авторитетных органов печати. Что же это такое, на самом деле? Где истина? Хорошая это пьеса, в конце концов, или плохая? Где бы нам это узнать? У кого?

— А вам-то самому она какой кажется? — спрашивает завлит.

— Мне?! — переспрашивает Очумелов с таким искренним, выразительным изумлением, что завлит не задаёт больше вопросов и, воспользовавшись подвернувшимся поводом, уходит из номера.

СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ ЛЮБИТ МУЗЫКУ

По сведениям, полученным из авторитетных источников, музыка слагается из трёх элементов: мелодии, гармонии и ритма.

Любители музыки слушают её по-разному. Одни с благоговением смотрят на дирижёра, и лица их выражают восторг. Другие закрывают глаза и переносятся, так сказать, в сладостный мир звуков. Третьи... Впрочем, о третьих следует сказать несколько подробнее.

Прокурор города Коврова советник юстиции М. Б. Попов является страстным и весьма своеобразным любителем музыки. Нет, он не смотрит на дирижёра, и лицо его не выражает восторга. Нет, не закрывает М. Б. Попов глаза и не переносится в сладостный мир звуков.

М. Б. Попов любит музыку более активно. Недавно в Коврове. в клубе текстильщиков, состоялся концерт. Прибыл на концерт М. Б. Попов в сопровождении бывшего помощника прокурора Трелина и секретаря горсовета Сухова. Дорогие гости явились к директору клуба и потребовали места. Директору клуба из чисто профилактических соображений пришлось спешно усадить гостей, поскольку стояли они с трудом.

Концерт начался.

После того как акробат продемонстрировал номер, именуемый «баланс с мебелью», на сцену вышла певица.

«Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня!..»

Сочтя голосовые данные певицы недостаточно мощными, крупнейший ковровский меломан М. Б. Попов решил внести в исполнение песни посильную лепту. Начал М. Б. Попов к полному удивлению зрителей подпевать, а Сухов и Трелин закрыли глаза, переносясь в сладостный мир звуков прокурорского голоса.

Вступил М. Б. Попов пьяно (слово следует понимать буквально), потом перешёл на форто. Приглашённый в кабинет директора клуба, солист переключился на фортиссимо.

Представителям милиции с трудом удалось прервать вокально-речевые упражнения М. Б. Попова и направить его домой, так сказать, в творческий отпуск.

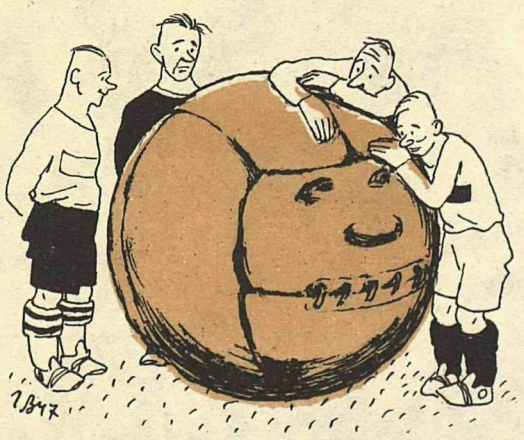
Оценивая всё происшедшее, с удовлетворением констатируем, что выступление городского прокурора на этот раз успеха у публики не имело.

г. Ковров.

Б. САВЕЛЬЕВ

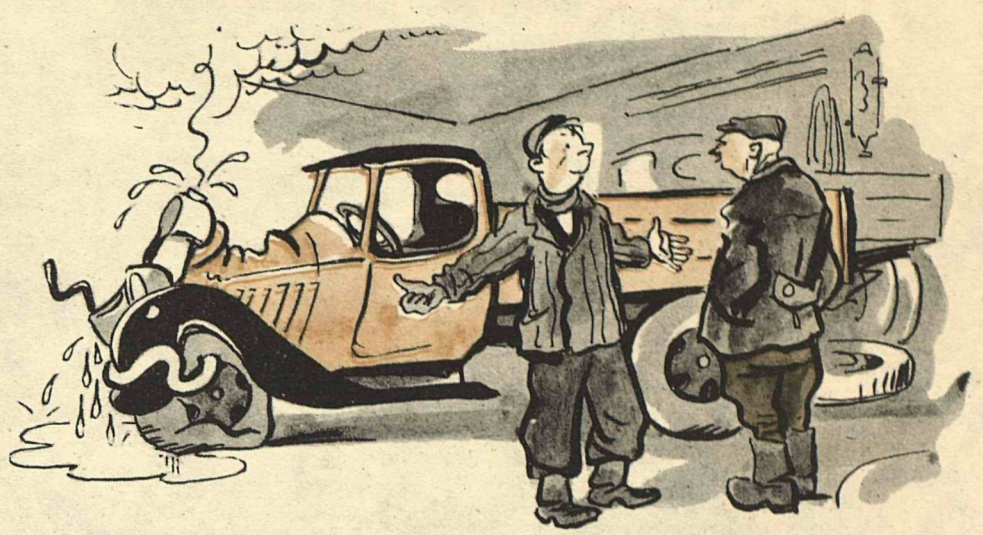
ПРОЩАНИЕ С МЯЧОМ

Рис. Г. ВАЛЬКА



Прощай, наш товарищ, наш верный слуга!
Расстаться настало нам время.
Теперь до весны не ударит нога
В твоё многобитое темя.

Рис. А. БАЖЕНОВА



— Ну, как? У новой машины мотор сильный?
— Мотор-то сильный, да вот радиатор слабоват: от первого столба помялся!..

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

У меня из окна выпало стекло. Меня это огорчило, но я и не подозревал всей тяжести обрушившейся на меня беды.

Мне повезло: когда я направился в магазин строительных материалов, что на Колхозной площади, там с нескольких машин сгружали прекрасное оконное стекло. Я обрадовался, но продавцы охладили мою радость:

— Загляните завтра, послезавтра...

С тех пор вот уже в течение двух недель, дважды на день, я аккуратно посещаю магазин и слышу стереотипное:

— Стекла в магазине нет.

— Как нет? Ведь привозили же в магазин стекло?

— Собственно, стекло есть, но на него нет пока документов...

Когда придут спасительные документы, неизвестно, но у меня уже достаточно материалов для научной работы «Стекло как источник житейских треволнений».

И. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ, профессор, доктор химических наук, лауреат Сталинской премии.

Москва.

Уважаемый Крокодил!

На фабрике имени Красина изготовляют настолько плохие карандаши, что даже жалобы этими карандашами не напишешь.

Я работаю на складе и принимаю зерно. Количество выписанных за день квитанций я могу легко подсчитать по груде лежащих передо мной обломков карандашей. А урожай в этом году настолько большой, что придётся, очевидно, обязать фабрику имени Красина на каждый прибывающий вагон зерна присылать по вагону карандашей!

А. КАЧАЛОВ

Село Пушкино, Тургиновский район, Калининской области.

Товарищ Крокодил!

В течение нескольких лет я не могу разыскать своё пенсионное дело. Нальчикский собес, где я до 1942 года получал пенсию, на мой запрос ответил, что архив 1942 года не сохранился, и порекомендовал мне запросить музей Ленинграда.

Я впервые слышу, чтобы в музеях хранились пенсионные дела! Вот ответ Нальчикского собеса сам просится в музей. Только в какой?

Р. СИНЕОКИЙ, инвалид Отечественной войны.

г. Прилуки.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

✪ Читательница Крокодила С. Ерёмина сообщила в редакцию о злоупотреблениях управляющего Кнощским райпромкомбинатом Помешкина. Письмо тов. Ерёминой подтвердилось. Помешкин приговорён к 8 годам лишения свободы.

✪ В № 21 Крокодила напечатана заметка «Заколдованная гостиница». В заметке говорилось о том, что местные организации задолжали уфимской гостинице 420 тысяч рублей. Совет министров Башкирской АССР признал заметку в Крокодиле правильной и вынес решение о немедленном погашении задолженности.

✪ Директор Чаадаевского дома ребёнка (Пензенской области) Медков за короткий срок уволил 17 сотрудников. Многих он уволил за то, что они отказывались покрывать его грязные махинации. Об этом в Крокодиле было напечатано письмо читателя тов. А. Кикита. Сейчас Медков снят с работы и привлечён к уголовной ответственности.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во „Правда"

Москва. Изд. № 799. Подп. к печати 10/XI 1947 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 11445. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3009. Тираж 150 000 экз.

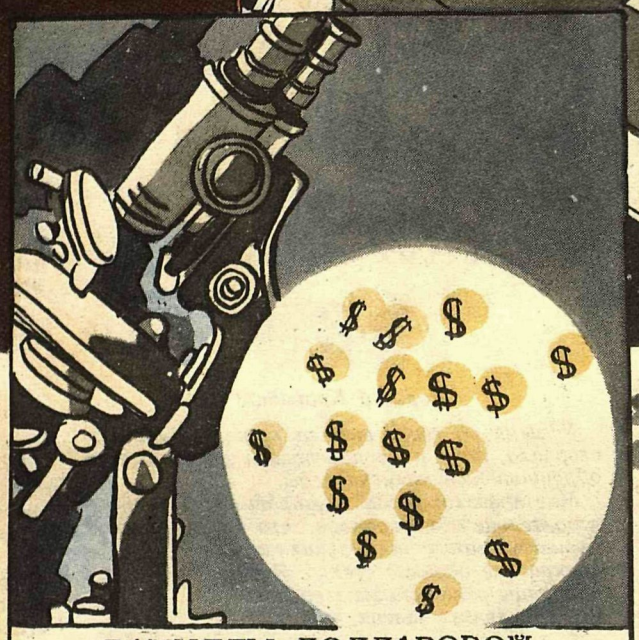
48
18 НОЯ 1947

Рис. Ю. ГАНФА

8644
ВСЕСОЮЗНАЯ ПАЛАТА ПИСАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВ. ЧИТ. 1947 г.

1)... припадки бешенства у поджигателей войны,

2) бред и галлюцинации у херстовских писак,



БАЦИЛЛЫ ДОЛЛАРОВОЙ БОЛЕЗНИ
Вызывают (см. рис. 1—4)...

3) лихорадку вооружений.

4) Все эти болезни приводят к кризису, после которого больной не выздоравливает.

ЮГ 47